

Россія и Европа

въ

историческихъ условіяхъ

соціальнаго и политическаго быта.

1903.

Verlag von Friedrich Gottheiner, Berlin.

Фридрихъ Готтейнеръ

Унтеръ-денъ-Линденъ 47.

„Пров 38“

„Пров 49“

Книжка эта содержитъ въ себѣ переводъ сочиненія Варсавскаго Профессора Зигеля (Dr. F. Sigel. University of Warsaw), изданнаго на Англійскомъ языкѣ въ Филадельфіи подъ заглавіемъ: *Sociology applied to Politics.* Social Theories and Russian Conditions. A Paper submitted to the American Academy of Political and Social Science. Philadelphia, 1898.

Ученые соціологи въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія обратились къ изслѣдованію разнообразныхъ историческихъ явленій въ жизни народной; но не довольствуясь этимъ, примѣняютъ свою теорію соціологіи къ политикѣ. Опытъ этого рода сдѣланъ недавно Докторомъ Гумпловичемъ, Профессоромъ Грацнаго Университета въ Австріи, въ извѣстномъ его сочиненіи: *Соціологія въ политикѣ.* (Sociologie und Politik. Von Ludwig Gumplovicz. Leipzig 1892.) Разсужденія автора въ этой книгѣ основаны на заблужденіи, которое нынѣ распространено въ умахъ и писателей и читателей Западной Европы.

Въ практической части своего памфлета Проф. Гумпловичъ доказываетъ, что политика должна быть наукою, основанною на выводахъ изъ натуральныхъ законовъ жизни; недостаточно ей состоять лишь изъ указаній и правилъ для дѣятельности правителей и изъ оцѣнки этой дѣятельности. Политическая практика, не руководимая этими законами, ведетъ лишь къ безцѣльному расточенію соціальныхъ силъ.

Вслѣдъ за общими разсужденіями авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ Европейской политики. Для насъ важны два предмета: отношеніе Западной Европы къ Россіи и отношеніе Германцевъ къ славянскимъ народностямъ.

По мнѣнію Проф. Гумпловича въ основаніи Европейской политики должно быть признаніе такого начала, что Европа раздѣлена на два міра, существенно одинъ отъ другого отличные. Хотя Западная Европа состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ Государствъ, всѣ они въ совокупности составляютъ одно цѣлое, цивилизованное и совершенно противоположное съ Россіей. Каждая изъ этихъ двухъ областей стремится расширить свои границы, и столкновеніе между ними неизбѣжно. Россія по обилію естественныхъ богатствъ и по обширности своей территоріи представляетъ громадную силу, натурально возрастающую, — и Западная Европа должно употреблять всѣвозможныя средства, чтобы противодѣйствовать Россіи въ ея стремленіи къ развитію своихъ силъ. Россія, какъ государство континентальное, стремится къ морю, — овладѣть Константинополемъ. И такъ Европа, въ особенности же государства наиболѣе подверженныя опасности, Германія и Австрія, должны стремиться къ ослабленію дѣйствія Россіи на Болгарію. Бисмаркъ, — замѣчаетъ Гумпловичъ, глубоко ошибался, сказавъ что „интересы

Германіи ни сколько не замѣшаны въ Болгаріи". Совсѣмъ противнаго мнѣнія Гумпловичъ: „Уголокъ Болгаріи поможетъ Россіи укрѣпиться и можетъ измѣнить расчеты Западной Европы на успѣхъ въ случаѣ борьбы. Авторъ такъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ и убѣдительности своихъ доводовъ, что расчитываетъ даже на союзъ Франціи съ Германіей противъ Россіи въ общемъ интересѣ и предвидитъ возможность союза оборотнительнаго и наступательнаго. Цѣлью такого союза Западной Европы должно быть отдѣленіе отъ Россіи Болгаріи, Румыніи, Польши, Финляндіи. Задачей Западно-Европейской цивилизаціи должно служить — огражденіе себя отъ азіатскаго варварства и деспотизма и обеспеченіе „личной свободы, самодѣтельности и равенства" (стр. 113—29).

Такъ какъ авторъ не даетъ точнаго опредѣленія, въ чемъ состоитъ различіе описываемыхъ имъ двухъ міровъ, постараемся вмѣсто него этимъ заняться. Деспотизмъ, по научному опредѣленію, означаетъ государство, въ коемъ воля владыки служитъ исключительно закономъ, и приказомъ его опредѣляется все теченіе соціальной жизни. (Encyclopaedie der Staatswissenschaften, von Rob. v. Mohl.) Но дѣло признанное, что такія государства не могутъ держаться долго и что, деспотизмъ этого рода есть явленіе болѣзненное и не можетъ быть устойчивою государ-

ственною формой. Фараоны Египетскіе и великіе цари Персіи были вѣроятно болѣе ограничены обычаемъ, нравами и особливо религіей, чѣмъ министры Ея Величества Королевы Англійской ограничены закономъ. Извѣстно, что въ Россіи издаваемы были законы съ самаго начала государственной жизни. Въ XIV столѣтіи получилъ, вѣроятно, окончательную форму юридическій сборникъ „Русская правда“, — содержавшій въ себѣ правила, главнымъ образомъ извлеченныя изъ судебныхъ приговоровъ. Въ 1497 и 1550 г. изданы отъ правительства болѣе пространные законы, долженствовавшіе служить руководствомъ для судей (Судебникъ). Въ 1649 году появилось Уложеніе, кодексъ законовъ, установлявшій организацію всей государственной жизни. Со времени Петра Великаго цѣлый рядъ Коммиссій занимался кодификаціей русскихъ законовъ. Дѣло это доведено до конца въ 1832 году, когда, послѣ столѣтней работы, обнародованъ Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Этотъ сводъ обнимаетъ обширный кругъ законныхъ, политическихъ и соціальныхъ отношеній; онъ состоитъ изъ великаго множества отдѣльныхъ постановленій по различнымъ предметамъ. Изъ этого видно, что въ Россіи порядокъ соціальной жизни основанъ на правилахъ закона, а не на одной волѣ Императора, и что сфера закона съ давняго времени отдѣлена отъ области обычаевъ, нравственныхъ

и религіозныхъ вѣрованій. Я дѣлаю это замѣчаніе потому, что отличительнымъ свойствомъ древнихъ восточныхъ монархій было смѣшеніе нравственности, религіи и закона, такъ что дѣятельность отдѣльныхъ лицъ опредѣлялась не законными, но нравственными и религіозными началами.

Если предъидущее опредѣленіе деспотизма не примѣняется къ Россіи, если легальный элементъ явственъ въ ея исторіи съ самыхъ первыхъ временъ, — то примѣненіе къ ней этого термина „деспотизмъ“ можетъ быть понятно развѣ потому, что въ ея управленіи не видно участія народа. Посмотримъ, вѣрно ли, что это характерная особенность русскаго народа и врожденная, — ибо особенность не можетъ быть характерною, если она не существенна и относится къ преходящему состоянію.

Прежде всего, замѣтимъ, что въ Западной Европѣ участіе народа въ правленіи не было постояннымъ явленіемъ, но подвергалось значительнымъ колебаніямъ. Въ теченіе долгихъ періодовъ оно было совсѣмъ неизвѣстно. Притомъ свойство его было крайне измѣнчиво: войска, аристократія, различныя сословія, политическія партіи поочередно участвовали своимъ вліяніемъ въ правленіи. Въ наше время политическія партіи весьма часто составляютъ большинство народныхъ представителей и такимъ образомъ на законномъ

основаніи обращаютъ народное дѣло въ орудіе своихъ интересовъ. Можно сказать безъ особаго преувеличенія, что континентальная Европа еще не усвоила себѣ эту форму правленія, не такъ давно еще пересаженную изъ Англіи. Явное тому доказательство — частая смѣна министровъ, злоупотребленія при выборахъ, столкновенія партій, продажность членовъ, скандальныя сцены въ парламентахъ. И родина Проф. Гумповича (Австрія) въ обѣихъ частяхъ своихъ, кажется, еще весьма далека отъ истиннаго парламентскаго „режима“. Въ Австріи большинство депутатовъ, искуственно образованное, служитъ только способомъ Германскому меньшинству орудовать въ своемъ интересѣ большинствомъ славянскимъ. Въ Венгріи парламентъ состоитъ почти исключительно изъ Мадьяровъ, составляющихъ едва половину цѣлаго населенія — и это достигается помощью грубаго насилія. И такъ, очевидно, — нѣсколько смѣло будетъ утверждать, будто „свобода, самодѣятельность и равенство“ составляютъ характерную принадлежность Западной Европы.

Переходя къ Россіи, находимъ въ раннемъ періодѣ русской политической жизни широкое участіе народа въ правленіи. Съ IX до второй половины XV столѣтія русскіе князья и великіе князья были немного болѣе, чѣмъ исполнительные органы *вѣча*, большого собранія

народнаго. Эти народныя собранія надобно считать слѣдомъ первобытной Арійской соціальной организаціи. Главное различіе между этими русскими парламентами и парламентами Западной Европы состояло въ томъ, что въ послѣднихъ значительно было участіе аристократіи, такъ какъ на западѣ рано возникло раздѣленіе общества на классы. Такая республиканская форма правленія преобладала на сѣверѣ Россіи, — въ Новгородѣ и Псковѣ, доколѣ не исчезли эти республики-города во власти великихъ князей Московскихъ. Власть эта возрастала мало по малу подъ вліяніемъ Византійской идеи, но участіе народа въ правленіи не вовсе исчезло, но появилось въ другой формѣ. Иванъ IV Грозный, жестокой памяти, собралъ около 1548 года первое собраніе депутатовъ, съ цѣлію освободиться отъ преобладанія бояръ, т. е. русскаго дворянства, образовавшагося изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Это дворянство не походило на западную аристократію, ибо не было въ немъ сословнаго духа: оно не составляло политическаго сословія съ опредѣленнымъ уставомъ, а состояло изъ отдѣльныхъ фамилій, изъ коихъ каждая имѣла свою особую честь или достоинство, по преемству отъ заслуги отцовъ и дѣдовъ. Каждая фамилія составляла, какъ въ древнемъ Римѣ (jus imaginum), особое цѣлое съ особливымъ политическимъ и соціальнымъ значеніемъ, соотвѣтственно съ

заслугою членовъ фамиліи государству. Эти аристократическія фамиліи не имѣли между собою никакой политической связи. Въ слѣдствіе такого образованія русскихъ парламентовъ въ нихъ принимало участіе все населеніе, а не исключительно, какъ на Западѣ, духовенство, дворяне и горожане. Этимъ соборамъ принадлежало значительное вліяніе на администрацію и законодательство. Уложеніе 1648 года разсмотрѣно было соборомъ выборныхъ людей. Въ теченіе 1613 до 1615 годовъ такое собраніе въ сущности управляло государствомъ, такъ какъ царь былъ молодой и неопытный, и время смутное. Такого рода управленіе держалось въ Россіи до второй половины XVII столѣтія. Возникаетъ вопросъ: что было причиною того, что прекратилось это національное представительство: внутреннее ли къ нему нерасположеніе или были причины внѣшнія?

Разрѣшеніе политическихъ вопросовъ цѣлымъ населеніемъ — обще распространенное явленіе. Въ послѣдствіи мѣсто цѣлаго населенія занимаютъ выборные депутаты, — это становится необходимостью при возрастаніи народа съ образованіемъ обширныхъ государствъ и съ ослабленіемъ интереса къ дѣламъ политическимъ. Это — всеобщее явленіе; но необходимо глубже вникнуть въ него, чтобы понять случившіяся въ немъ перемѣны во второй половинѣ XVII столѣтія.

Государственная власть приняла въ Россіи священный характеръ: это привилось изъ Византіи съ принятіемъ вѣры отъ Греческой церкви; но духъ Византійскій въ этомъ отношеніи воспринялъ идеалы древней Греціи. Великій князь явился представителемъ государства и въ слѣдствіе того абсолютнымъ властителемъ: эта идея прививалась въ Россіи лишь мало-по-малу, медленно, подъ вліяніемъ духовенства; а погромы Монгольскіе и непрестанныя войны съ Литвою и Польшей настоятельно требовали устройства крѣпкой и твердой власти. Но при всемъ томъ царь представлялся лишь живымъ, видимымъ представителемъ государства, а государство возвышалось много выше и царя и всего народа: безъ государства и царь и народъ оставались бы безъидейной цифрой. Эту языческую классическую идею усиливалъ тѣсный союзъ церкви съ государствомъ: война велась только съ Мусульманами и Латинянами и въ мысли духовенства и народа представлялось священною войною. Такъ все общество порабощено было государствомъ. Царь — правитель государства, десницею Божіей поставленный, помазанный святымъ муромъ, но воля его — не послѣдняя, ибо онъ только орудіе высшей силы, органъ интересовъ государства. Въ Россіи не столь явственно выразилась эта Византійская политическая идея, но въ самой Византіи она является очень

опредѣлительно, и вотъ почему въ Византіи не могъ установиться точный порядокъ престолонаслѣдія. — Въ Россіи эта вѣра въ священство государственной власти отражается въ происхожденіи сословій. Всякій членъ общества считался обязаннымъ службою государству: одни служили для обороны государства на полѣ брани, другіе служили трудомъ рукъ своихъ и промыслами въ доходъ государственной казны. Въ началѣ (въ XV и XVI столѣтіяхъ) эти сословія равнялись: въ архивныхъ документахъ встрѣчаются просьбы дворянъ и дѣтей боярскихъ, чтобъ имъ позволено было оставаться въ крестьянствѣ, такъ какъ бѣдному дворянину тяжко несть военную службу. Но въ такихъ ходатайствахъ всегда отказывали: государство блюдетъ всѣ общественныя группы населенія строгимъ контролемъ. Эти различныя группы носятъ въ Москвѣ названіе „чиновъ“; онѣ должны быть другъ съ другомъ и съ царемъ въ согласной мысли о томъ, какъ слѣдуетъ блюсти интересы государства. Такъ мы видимъ, что Московскія собранія чиновъ были необходимымъ слѣдствіемъ политическаго идеала, вдохновлявшаго все Русское общество отъ царя до послѣдняго подданнаго. Воля царя сообщала юридическую санкцію распоряженіямъ правительства, но эти распоряженія были результатомъ глубокаго знанія дѣйствительныхъ условій государственной жизни, которое могло быть почерпаемо

единственно отъ „чиновъ“. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить что это странное общество, при своемъ особливомъ развитіи, было замѣчательно малограмотное. Борьба съ суровою природой въ холодномъ климатѣ, непрестанная война съ дикими варварскими племенами придавала этому племени понятливость и энергію, но ему совсѣмъ незнакомъ былъ свѣтъ науки и промышленности. Умъ развивался только практикою жизни. И потому добраго совѣта можно было ожидать отъ самаго послѣдняго гражданина, такъ какъ и онъ принадлежалъ къ извѣстной группѣ людей, подлежавшей той или другой государственной повинности, хотя самъ лично несъ на себѣ особливую работу своего быта.

Это состояніе общества начало мало по малу измѣняться въ XVII столѣтіи. Въ слѣдствіе усилившагося знакомства съ поляками, страстными почитателями западной цивилизаціи, дворъ и высшее дворянство стали склоняться къ мысли, что Московскіе обычаи требуютъ измѣненія и сближенія съ западнымъ образцомъ. Въ высшихъ кругахъ общества мысль эта казалось тѣмъ заманчивѣе, что однимъ изъ основныхъ положеній западной цивилизаціи было преобладаніе высшихъ руководственныхъ сословій надъ нисшими. Въ виду такого идеала самые соборы, состоящіе изъ выборныхъ отъ всего народа, утрачивали свое значеніе: ихъ консерватизмъ упорно воспротивился бы

такимъ нововведеніямъ, которыя представлялись народу не только пагубными, но и безбожными (такъ какъ исходили отъ Латинянъ, вѣдомыхъ враговъ православной церкви). Такимъ образомъ западному вліянію слѣдуетъ приписать уничтоженіе въ Россіи собраній выборныхъ изъ народа людей.

Въ связи съ этимъ явленіемъ стоитъ и другое, соотвѣтственное: мало по малу проникаетъ въ русское общество и западная наука и западная промышленность. Но представителями промышленности явились большею частью иностранцы разныхъ націй; и потому науки и политическія идеи распространялись въ высшихъ и состоятельныхъ классахъ имѣвшихъ частыя сношенія съ людьми Западной Европы. Такъ произошелъ мало по малу духовный разрывъ между высшимъ классомъ и народомъ, — дотолѣ неизвѣстный въ Московскомъ государствѣ. По мѣрѣ того какъ дворянство проникалось западными соціальными и политическими идеями (полагая въ нихъ свою образованность), оно привыкало считать себя единственно культурнымъ сословіемъ, единственно способнымъ къ совѣщанію о дѣлахъ государственныхъ. Но какъ высшія сословія служили государству непосредственно, а низшія служили только ручнымъ трудомъ и податью, то могла рано возникнуть мысль, что дворянство даже безъ участія въ общихъ соборахъ можетъ въ многихъ

случаяхъ подавать должные совѣты при своей непосредственной службѣ государству. Наконецъ, надобно замѣтить, что западное вліяніе въ Россіи поднялось въ такую пору, когда въ Европѣ преобладало государство полицейское (Polizei-Staat). Идеалъ такого государства состоялъ въ томъ, что правители, принадлежащіе къ высоко образованному классу, должны блюсти за всею народною жизнію въ интересѣ народа, подобно тому какъ нянька блюдетъ за ребенкомъ. Народныя собранія были не въ ходу въ теченіе XVIII столѣтія; даже, — какъ ни странно покажется, — самый конвентъ великой Французской революціи проникнутъ былъ идеей, что народъ не знаетъ своего собственнаго интереса. Въ Россіи правительство и правящее сословіе отражали на себѣ тѣже тенденціи Европейской мысли. Всѣ эти измѣненія въ образѣ мыслей клонились къ ослабленію и даже къ разоренію всякихъ слѣдовъ старины, соединенныхъ съ понятіемъ о народномъ представительствѣ.

Перемѣна въ идеяхъ правительства подъ западнымъ вліяніемъ соотвѣтствовала подобнымъ перемѣнамъ въ сознаніи общества. Въ Москвѣ, — какъ выше сказано, — воля царя была рѣшительна, потому что самъ онъ былъ органомъ государства. Поэтому желанія народонаселенія и въ особенности духовенства не могли не имѣть великаго вліянія на царя. Онъ былъ

доступенъ всѣмъ своимъ подданнымъ, и просьбы, обращаемыя къ престолу отъ городовъ, посадовъ, областей, общинъ — и даже отъ частныхъ людей имѣли важное значеніе. Это было нѣчто въ родѣ письменнаго представительства народныхъ нуждъ и потребностей, — недостаточно еще оцѣненнаго русскими историками. Доступность престола коренилось въ идеѣ, что царь самъ поставленъ Богомъ для блага всему обществу и что онъ — первый слуга государству (это глубокое свое убѣжденіе не разъ выражалъ самъ Петръ Великій). Въ этомъ представленіи не оставалось мѣста разрыву между верховною властью и народомъ. Но эта идея была совсѣмъ противоположна идеямъ западнымъ, коихъ эволюція приводила къ такому представленію: Король — лицо издревле Богомъ поставленное на то, чтобы править народомъ съ помощію духовенства и дворянства, по вѣчнымъ закономъ, кои даны самимъ создателемъ. Послѣ, когда разрушилось феодальное общество, Король сталъ представителемъ культурныхъ классовъ общества, призванный править народомъ по требованіямъ *разума* (absolutisme éclairé). Въ томъ и другомъ случаѣ меньшинство, имѣя во главѣ короля, правило громаднымъ большинствомъ массы, — и, по естественному порядку дѣлъ человѣческихъ, правило въ своихъ интересахъ. Очевидно, между правителями и правимыми не могло быть взаимнаго довѣрія, и по-

тому мы видимъ въ XVIII столѣтіи посреди Европейскихъ народовъ глубокое отчужденіе между верховной властью и ея подданными. Это, глубоко таившееся чувство, отразившееся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ крайнимъ усиленіемъ явной и тайной полиціи, разразилось наконецъ въ концѣ вѣка великою Французской революціей. Это оскудѣніе взаимной вѣры между престоломъ и народомъ, равно какъ и способы правленія изобрѣтенные западнымъ духомъ, будто бы предопредѣленнымъ для „свободы, самостоятельности и равенства“, — все это западные цивилизаторы, пришедшіе въ Россію, перенесли къ намъ „для обузданія азіятскаго варварства“ въ русскомъ народѣ.

Могутъ возразить, что замѣчанія наши относятся къ прошедшему а не къ настоящему, что и мы признаемъ перемѣну въ русскихъ соціальныхъ отношеніяхъ, и что теперь, можетъ быть и подъ вліяніемъ запада, государство приняло форму деспотизма, и самое общество несклонно къ „самостоятельности“.

Для уясненія этого предмета мы должны обратиться къ современному русскому обществу, начиная, съ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія. Хотя пребываніе русской арміи въ Франціи послѣ Наполеоновскихъ войнъ произвело впечатлѣніе на многихъ офицеровъ, сдѣлавъ ихъ восторженными поклонниками французскихъ политическихъ идей, — и вызвало извѣстный военный

мятежъ 1825 года, — но это не представляло опасности для общественнаго мнѣнія, болѣе или менѣе независимаго отъ запада. Возникла прежде всего своеобразная соціальная партія подъ вліяніемъ германской идеальной философіи (Гегель). „Славянофилы“ видѣли національный русскій идеалъ въ Московскомъ государствѣ, а западныя вліянія, вторженіе чужеземныхъ идей, только останавливали, по ихъ мнѣнію, развитіе русскаго національнаго духа. Западная Европа достигла да высшаго пункта своей цивилизаціи, и должна клониться къ упадку, потому что оживлявшія ее идеи увядаютъ. Римскія идеи и проникнутая ими Латинская церковь матеріализировали западное общество, и отъ того съ одной стороны послѣдовало необычайное умноженіе матеріальнаго прогресса и жизненныхъ удобствъ, но съ другой стороны ослабѣло стремленіе къ идеальному благу и даже извратилась способность понимать его. Сознаніе этого идеальнаго блага, къ коему всегда стремилась древняя философія Греціи, сохранилась въ православной церкви. Она состоитъ во взаимной любви, объемлющей весь родъ человѣческій. Напротивъ того, западное общество, преслѣдуя матеріальные свои интересы, должно по необходимости жить въ состояніи непрестанной войны, этотъ духъ упослѣдованный отъ древняго Рима, ясно обнаружился въ церковномъ устройствѣ. Римская католическая церковь

приняла форму монархіи, удобную для борьбы за всемірное владычество, и вслѣдствіе того провозгласила Папу представителемъ Іисуса Христа на землѣ; но православная церковь положила въ основаніе свое — слово Христа Спасителя: *идѣже два или три собраны во имя Мое, ту Азъ посредѣ ихъ* . . . (Мѳ. XVIII, 20.) Отсюда возникло авторитетное значеніе собора предъ лицами — и въ этомъ состоитъ самое явственное различіе между той и другою церковью, — и это повело къ признанію, что православная церковь имѣетъ не *видимую* главу, но одну лишь *невидимую*, въ лицѣ Іисуса Христа. По глубокому убѣжденію Славянофиловъ Востокъ, не взирая на недостатокъ культуры и на бѣдность, таитъ въ лонѣ своемъ добродѣтель неизвѣстную или по крайней мѣрѣ забытую на западѣ, именно стремленіе къ идеалу. Въ политикѣ славянофилы признавали важное значеніе національнаго народнаго собранія, которое, состоя при царѣ и не ограничивая власть царскую, доводитъ до свѣденія его желанія и нужды народа, обсуждаетъ мѣры прежняго времени, равно какъ и мѣры вновь предлагаемыя. Въ сферѣ экономіи они проповѣдывали запретительный тарифъ, самое энергическое вмѣшательство государственной власти и самую рѣшительную защиту рабочаго класса отъ эксплуатаціи. Наконецъ, въ иностранной политикѣ, требовали самаго дѣятельнаго покровительства славян-

скимъ народностямъ и полнаго невмѣшительства во всякую политическую борьбу на западѣ. По мнѣнію ихъ неограниченное стремленіе къ матеріальному прогрессу необходимо должно привести западное общество къ революціи и анархіи, къ возстанію всѣхъ приниженныхъ, слабыхъ, нищихъ и праздныхъ людей, и тогда настанетъ для Россіи время возстановить порядокъ на вѣчныхъ основаніяхъ правды и взаимной любви.

Образованіе этой сильной и цвѣтущей партіи оказывавшей немалое вліяніе на иностранную и внутреннюю политику страны, вызвало протесты многихъ сторонниковъ запада и соединивъ ихъ, образовало изъ нихъ партію „Западниковъ“. Они стремились перенесть въ Россію всѣ новѣйшія западныя мнѣнія придавая имъ значеніе послѣдняго слова науки; проповѣдывали учрежденіе парламентовъ въ той же формѣ, какъ видѣли ихъ въ Англіи или во Франціи; настаивали на системѣ экономической свободы (laissez faire, laissez passer) бывшій въ ту пору модною въ Европѣ. Западные Европейцы конечно встрѣтили сочувствіемъ это направленіе, и, не взирая на свою горячую преданность „свободѣ, самодѣятельности и равенству“ не сочли несовмѣстнымъ съ честью выставлять славянофиловъ, съ одной стороны передъ русскимъ правительствомъ — радикалами, соціалистами, нигилистами, а съ другой стороны, передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, —

страстными консерваторами, вѣдомыми врагами всякаго прогресса, варварами, коихъ цѣль установить въ Европѣ деспотизмъ и обратить силою всѣ Европейскія націи въ православную вѣру.

Съ теченіемъ времени обѣ эти партіи утратили первоначальную остроту своихъ крайнихъ мнѣній, но сущность ихъ осталась прѣжняя. Не трудно распознать, что въ основаніи каждой партіи различная философская система. У славянофиловъ много слѣдовъ идей Германской исторической школы о томъ, что національный духъ есть животворящее начало въ каждомъ народѣ цѣлой его эволюціи; немало слѣдовъ и Гегелевой идеи, что судьба каждаго народа въ исторіи совершается по началамъ логическаго развитія мысли. Славянскій міръ, — полагали славянофилы, — долженъ примирить въ себѣ двѣ противоположности: свободу отдѣльнаго лица — прирожденную идею Тевтонскаго племени, — и другую, идею порядка, — представляемую Римскимъ закономъ, духомъ римской политики и католическою церковью. Напротивъ того, западная партія основывала свои выводы на томъ предположеніи, что каждый народъ, въ возрастаніи своемъ, проходитъ тѣже стадіи эволюціи, что вполнѣ возможно и естественно — переносить учрежденія изъ стародавней націи въ новую страну только вступающую въ цивилизацію, и что возможно этимъ способомъ ускорять

искуственно движеніе прогресса. И такъ, всматриваясь въ ту и другую партію, мы находимъ, что и въ той и въ другой національному представительству придается важное значеніе, и стало быть нельзя сказать о русскомъ обществѣ, что свойство его — врожденное стремленіе къ деспотизму.

Переходя къ правительству и начиная съ XIX столѣтія, мы видимъ, что Александръ I былъ одушевленъ очень прогрессивными идеями, которыя внушилъ ему воспитатель Швейцарецъ своей восторженною вѣрой въ Швейцарскую республику. Александръ I далъ парламентскія учрежденія Польшѣ, присоединенной къ Россіи по Вѣнскому трактату, и былъ непрочь устроить тоже и въ Россіи; но Наполеоновскія войны, „Священный Союзъ“ учрежденный въ духѣ крайняго консерватизма, и Меттернихъ, всемогущій Австрійскій министръ, — отвратили его отъ этого замысла. Военный мятежъ 1825 года усилилъ тоже вліяніе на преемника его Николая I, и въ связи съ общимъ построеніемъ Европейской мысли въ это время, обратилъ его къ поддержанію консервативной политики въ Европѣ. Хотя царствованіе Николая было временемъ желѣзной дисциплины въ Россіи, однако царь чувствовалъ, что одна лишь законность можетъ отстранить отъ него упрекъ въ неограниченномъ самовластіи, и потому всячески настаивалъ на строгомъ соблюденіи законныхъ

правилъ во всей администраціи. Должно однакоже признать, что въ это время, даже славянофиламъ учрежденіе парламента въ Россіи представлялось дѣломъ крайне опаснымъ, по слѣдующимъ причинамъ: классъ общества отправлявшій службу государству на поляхъ брани превратился, подъ западнымъ вліяніемъ, въ благородное сословіе въ западномъ смыслѣ этого слова, то есть, въ сословіе преобладающее и правящее. Вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнились и отношенія рабочаго класса къ дворянству. Когда, въ концѣ XVI столѣтія состоялось въ Россіи прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, — это не было въ сущности низведеніемъ рабочаго класса, не было и привилегіей дворянскаго сословія: это была лишь особливая форма государственной повинности для обезпеченія военной службы. Крестьяне, повинные служить государству ручнымъ трудомъ своимъ, — съ конца XVI столѣтія должны были переносить этотъ ручной трудъ на служебный классъ помѣщиковъ, дабы помѣщикамъ возможно было отправлять лично, и людно и оружно, военную службу. Но и военная служба и подспорье ея даровымъ трудомъ крестьянъ представляли иногда столь незначительную выгоду, что бѣдному дворянину представлялось иной разъ выгоднѣе быть крестьяниномъ. Все это состояніе рѣшительно измѣнилось при Петрѣ III и Екатеринѣ II. Императрица, проникнувшись идеей Монтескьё, что дворянство составляетъ

основную опору престола и монархіи, утвердила указъ Петра III (1785), коимъ дворяне освобождались отъ обязательной военный службы, и такимъ образомъ превратила ихъ въ дворянское сословіе, а крестьянъ ихъ — въ крѣпостныхъ людей, повинныхъ поддерживать правящій классъ подавая ему средства для умственнаго развитія. Отсюда явно, что еслибы довелось устроиться парламенту въ царствованіе Николая I, онъ состоялъ бы почти исключительно изъ дворянъ, и стало быть освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ сдѣлалось бы — не то что невозможнымъ, но крайне было бы затруднено и надолго отложено.

Великія реформы Александра II въ памяти у всѣхъ. Онъ былъ расположенъ довершить освобожденіе крестьянъ, реформы въ судахъ и въ администраціи и организацію мѣстнаго самоуправленія, — когда пресѣклась насильственно его драгоцѣнная жизнь. Александръ III, будучи еще наслѣдникомъ, сочувствовалъ идеямъ славянофиловъ — и ученіе ихъ отразилось на всемъ его царствованіи. Укрѣпленіе религіозныхъ, нравственныхъ и экономическихъ силъ народа, покровительство рабочему классу, словомъ сказать внутреннее развитіе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ — вотъ что составляло главную его заботу и задачу его управленія. Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ всякихъ военныхъ предпріятій и самымъ священнымъ долгомъ своимъ по-

читалъ охраненіе мира; глубоко убѣжденный въ святости призванія царской власти, онъ питалъ отвращеніе къ лжи и притворствамъ столь обычнымъ въ международныхъ отношеніяхъ и былъ исполненъ искренняго благоволенія ко всѣмъ націямъ. Отрицательное отношеніе Александра III, равно какъ и многихъ лицъ изъ правящаго класса въ Россіи, къ парламентской формѣ правленія весьма понятно по двумъ причинамъ. Во 1-хъ — у многихъ наиболѣе прогрессивныхъ и самостоятельныхъ Европейскихъ и Американскихъ писателей (какъ то у Карла Маркса и его послѣдователей, у Греффа, Уарда и пр.) мы встрѣчаемъ выраженіе крайняго скептицизма относительно народнаго представительства *въ современной его формѣ*. Лѣтъ 15—20 тому назадъ оно считалась универсальнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ соціальныхъ язвъ и неустройствъ; но теперь часто слышишь, что его считаютъ хитро устроенною формою для эксплуатаціи рабочихъ классовъ въ пользу меньшинства богатыхъ, просвѣщенныхъ и ловкихъ людей. — Во 2-хъ, въ разныхъ странахъ явно уже обнаружилась крайняя слабость парламентскихъ учрежденій: во Франціи — ослабло сознаніе необходимости для страны твердаго правительства; въ Германіи — явилось чрезвычайное раздробленіе политическихъ партій; въ Австро-Венгріи — полнѣйшая возможность наполнять парламентъ элементами ненавист-

ными даже большинству народонаселенія; въ сѣверной Америкѣ — недовѣріе къ законодательству отдѣльныхъ штатовъ и стремленіе къ стѣсненію круга ихъ дѣятельности.

Явная продажность депутатовъ (Панама, Римскій банкъ) — еще позорнѣе для націи, нежели продажность иныхъ негодныхъ членовъ администраціи. Всѣ эти и подобныя явленія невольно заставляютъ предполагать, что когда идетъ рѣчь о совершеннѣйшей формѣ, въ коей осуществляется участіе общества въ дѣлахъ правительства, нельзя еще считать національное собраніе послѣднимъ словомъ въ этомъ дѣлѣ. При императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III начала, кажется, нѣсколько обозначаться новая форма представительства, то есть обсужденіе законовъ по приглашенію правительства, лицами изъ среды общества, отъ коихъ можно ожидать добрыхъ совѣтовъ и указаній по знакомству ихъ съ предметамъ обсуждаемаго закона. Обращаясь къ научной литературѣ видимъ, что со времени германскихъ профессоровъ Аренса и Родера, мысль болѣе и болѣе склоняется къ замѣнѣ обычнаго національнаго представительства — представительствомъ отдѣльныхъ соціальныхъ группъ различныхъ профессій (представительство особливыхъ нуждъ и интересовъ). Этимъ способомъ предполагается вмѣсто метафизической идеи о представительствѣ воли цѣлой націи установить

идею представительства различныхъ національныхъ профессій (много о семъ говорилось въ послѣднее время въ Бельгіи по поводу пересмотра конституціи). И такъ можетъ быть въ теченіи времени нѣчто подобное выяснится и выработается въ русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Изъ всего выше сказаннаго слѣдуетъ заключить, что господствующее въ Европѣ и въ Америкѣ мнѣніе, будто русское общество склонно къ деспотизму, основано на великомъ заблужденіи. Напротивъ того, Россія очень хорошо освѣдомлена о западномъ національномъ представительствѣ и ясно сознаетъ слабыя его стороны. Правительство понимаетъ какъ важно и какъ нужно слышать голосъ народа, но понимаетъ также, что современныя и извѣстныя доселѣ формы представительства далеко не удовлетворительны для цѣли. Между тѣмъ первая существенная потребность глубоко ощущаемая всѣмъ русскимъ народомъ есть потребность въ твердомъ и крѣпкомъ правительствѣ: великая его важность не только въ международныхъ отношеніяхъ (что безспорно признается всюду), но въ дѣлахъ внутренняго управленія — тутъ могучая рука власти столь же необходима для защиты слабыхъ и неимущихъ и для блага цѣлаго общества.

За всѣмъ тѣмъ однако нельзя не признать, что Россія существенно отличается отъ Западной Европы.

Необходимость крѣпкой власти, конечно, особенно ощутительна въ Россіи; преобладающее значеніе аристократіи во всѣхъ отправленіяхъ политической и соціальной жизни особенно ощутительно на Западѣ, не смотря на общее исповѣданіе равенства; наконецъ, разница классовъ или сословій существеннѣе въ Западной Европѣ нежели въ Россіи, хотя повидимому (въ одеждѣ и въ признакахъ внѣшности) въ Россіи эта разница представляется громадною. Отъ чего происходятъ эти отличія Западной Европы отъ Россіи, это можетъ объяснить исторія.

Раздѣленіе общества на область церковную и мірскую возникло въ то время когда образовалось Германское государство на развалинахъ Западной Римской имперіи. Коренилось оно — прежде всего — въ народѣ, такъ какъ духовенство было почти цѣликомъ — Римскаго происхожденія (германцевъ оримлянныхъ было немного); во вторыхъ — въ различіи образованія и воспитанія; наконецъ — въ различіи центральныхъ властей (епископъ или архіепископъ съ одной стороны, король съ другой стороны). Церковь проповѣдывала великія истины — любви и правды: чѣмъ глубже проникало сознаніе этихъ истинъ, тѣмъ чувствительнѣе становились обиды и насилія отъ мірскихъ властей, и это возбуждало антагонизмъ между церковью и государствомъ. Пламя это, тлѣвшееся подъ пепломъ, съ

V столѣтія, разгорѣлось при Григоріи VII и Генрихѣ IV, укореняя взаимное недовѣріе и вражду между церковью и государствомъ, до нынѣ еще длящуюся. Естественно, что это настроеніе духовенства отразилось на мірскомъ обществѣ и не могло не воздѣйствовать на нравственное его отношеніе къ государственной власти. Вѣрно, думаю, хотя и не вполнѣ признается западными учеными, что въ римско католической церкви надобно искать главную причину того недовѣрчиваго отношенія къ государственной власти, которое представляется какъ бы прирожденнымъ свойствомъ каждаго Западнаго Европейца. Правительство какъ будто представляется ему какою то темною силой, которую должно стѣснять и ограничивать всѣми способами. Какъ будто власть — нѣчто внѣшнее не принадлежащее къ обществу, — и общество должно быть непрестанно на стражѣ отъ покушеній власти. И такъ теперь единственною крѣпкою силою всякаго правительства, и самаго деспотическаго и самаго республиканскаго, должно служить убѣжденіе цѣлой націи въ твердости, необходимости и формѣ своего правительства. Всякое правительство должно сознавать, что оно есть нераздѣльная часть общества; что интересы его тождественны съ интересами общества; что его военная, экономическая, умственная, нравственная сила есть сила всей націи. Эта, очень простая идея совершенно

затмилась на Западѣ, и даже въ Америкѣ, гдѣ государство само своей силы не имѣетъ. Отсюда происходитъ, что силу государства составляетъ только сила нѣкоторой части общества (руководящіе классы въ Западной Европы, политическія партіи въ Англіи и въ Америкѣ), той которая очевидно беретъ верхъ надъ прочими частями, пользуясь случаемъ, который на эту пору есть, а потомъ не скоро можетъ представиться.

Въ Византіи, напротивъ того, не было такого антагонизма между государствомъ и церковью, по двумъ причинамъ. Въ Византійской имперіи явились ереси, по склонности греческаго духа къ философскимъ преніямъ. Политика государства въ этомъ отношеніи была мудрая. Императоръ собиралъ церковные соборы, для свободнаго обсужденія вопросовъ вѣрованія. Большинствомъ голосовъ опредѣлялась православное вѣрованіе: оно принималось императоромъ и получало обязательную силу. Такимъ образомъ государство оказывалось въ согласіи съ большинствомъ духовенства, которое съ своей стороны оставалось благодарно государству за прекращеніе церковныхъ раздоровъ и за охраненіе порядка въ церкви. Съ другой стороны государство, имѣя въ своей власти охраненіе вѣры по мнѣнію большинства, избавляло церковь отъ возмутительныхъ дѣйствъ auto-da-fé и освященной инквизиціи.

Государственное преслѣдованіе ересей никогда не было такъ кровопролитно, какъ въ Западной Европѣ, потому что государство, не упуская изъ вида своихъ политическихъ интересовъ, смотрѣло и на еретиковъ какъ на членовъ общества, совокупно съ нимъ составляющихъ силу государства, — а главнымъ образомъ и потому, что всегда опасалось союза еретиковъ съ внѣшними врагами имперіи. На Востокѣ всегда было больше терпимости, что много содѣйствовало развитію истиннаго христіанскаго духа.

Во вторыхъ, всѣ свои войны Византія вела съ вѣдомыми врагами православной церкви (Персы, Арабы, Латиняне, Турки), и потому всѣ эти войны въ глазахъ народа и духовенства считались священными: это ясно выражалось въ молитвословіяхъ и процессіяхъ при выступленіи войска въ походъ.

Обѣ эти причины (рѣшеніе религіозныхъ распрей съ помощью государства и войны съ невѣрными) приводили церковь къ убѣжденію въ тождествѣ государственныхъ интересовъ съ церковными; практически это вело къ тому, что церковь во всѣхъ случаяхъ и всѣми мѣрами стояла за государство, — а теоретически вело къ освященію государственной власти, то есть къ убѣжденію въ томъ, что государство есть — организація общества Богомъ установленная и потому

священная*). Таковы основныя причины отсутствія антагонизма между государствомъ и церковью; но къ нимъ должно прибавить и другія, второстепенныя; напримѣръ, то обстоятельство, что на престолѣ Византійскомъ нерѣдко слѣдовали одинъ за другимъ замѣчательные писатели, философы, преобразователи, ясно понимаваніе интересы церкви и стремившіеся къ возвышенію и очищенію религіознаго духа въ обществѣ; далѣе, между сословіемъ духовенства и гражданскими сословіями не было отчужденія, такъ что и въ патріарха возводились иногда міряне (напримѣръ, знаменитый Фотій), и церковные интересы не были такъ чужды мірскимъ гражданамъ, какъ на западѣ. Наконецъ, Византійское общество состояло изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, коимъ могла придавать единство только православная церковь какъ вѣра государственная. — Всѣ эти идеи объ отношеніи церкви къ государству и о государственномъ значеніи православной церкви перенесены были въ Россію, и здѣсь, подъ

*) Напротивъ того, по идеѣ Григорія VII, государство представлялось необходимымъ слѣдствіемъ грѣховной, порочной природы человѣка и средствомъ содержать его въ дисциплинѣ. Слѣдовательно учрежденіе государства есть временное и должно исчезнуть когда исчезнетъ грѣхъ дѣйствіемъ церкви и карающимъ содѣйствіемъ государства (Ricken, Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung, Stuttgart 1887).

вліяніемъ духовенства, стали нераздѣльною и коренною принадлежностью національнаго сознанія.

Преобладаніе аристократіи во всѣхъ отправленіяхъ политической и соціальной жизни и взаимная противоположность разныхъ классовъ глубоко коренились въ западномъ обществѣ. Христіанство, издалека привнесенная религія, распространялось главнымъ образомъ въ городахъ, куда стекалось разноплеменное множество людей для торговли и промысла; въ городахъ же встрѣчаемъ и школы, откуда распространялись знанія. Такъ само собою возникала неприходимая рознь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ: между классомъ болѣе образованнымъ и принявшимъ христіанское ученіе, и поселянами, которые во все средневѣковое время коснѣли въ грубыхъ нравахъ и во множествѣ языческихъ предразсудковъ. Объ этой розни свидѣтельствуетъ самое названіе: paganus, paien, означавшее прежде всего — поселянина, а потомъ язычника. Отсюда необходимо возникаетъ такое понятіе, что высшіе классы, какъ болѣе образованные, должны господствовать надъ нисшими. Такая мысль и прямо выражена при Карлѣ Великомъ въ письмѣ къ нему отъ Алкуина *).

*) Alcuin. Epistolae 127. „Народъ должно вести къ божественнымъ установленіямъ, а не слѣдовать за нимъ, и для наставленія выбирать преимущественно особъ честнаго званія. И не слѣдуетъ слушать иныхъ повторяющихъ, что гласъ на-

Такая же мысль выразилась въ 825 году, когда Людовикъ Благочестивый формально призналъ право высшаго класса завѣдывать дѣлами правленія (капитулярій 825 г.). Довольно извѣстно, и нечего доказывать, что феодальная система еще расширила эту бездну между правящими и управляемыми. — Католическая церковь, въ борьбѣ своей съ государствомъ, придавала священный характеръ правящему сословію, провозглашая, что духовныя власти вмѣстѣ съ высшими классами поставлены самимъ Богомъ на содѣйствіе королевской власти и отвѣтственны передъ Богомъ за свое участіе въ правленіи. Католическая церковь признавала себя стоящею на стражѣ законнаго порядка во всемъ мірѣ, а какъ сама она не имѣла въ себѣ достаточной для того силы, то всѣмъ своимъ вліяніемъ стремилась обратить аристократію въ послушное себѣ орудіе.

Кромѣ всего этого, Латинскій языкъ служилъ тогда орудіемъ литературнаго общенія между западными націями, а знаніе его, какъ мертваго языка, могло быть пріобрѣтаемо только въ школѣ; и такъ языкъ, доступный только образованному классу, еще болѣе отдѣлилъ его отъ нисшихъ сословій остававшихся безъ книжнаго образованія. Крестовые походы распространили между рыцарями христіанскія идеи равенства,

рода — гласъ Божій, — ибо мятежный толкъ простаго народа близокъ къ безумію.“

братства и другія заимствованныя отчасти изъ христіанства (глубина религіознаго чувства, уваженіе къ женщинѣ, милосердіе къ немощнымъ и бѣднымъ) отчасти съ Востока (вкусъ къ фантастическому). Отъ этихъ вліяній возникла рыцарская литература, и произвела новую форму соціальнаго быта съ особыми обычаями, нравами, понятіями принятыми на всемъ западѣ. Такъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, образовались разнообразные классы, рѣзко отграниченные во всѣхъ отправленіяхъ соціальной жизни. Духовенство, по введеніи безбрачія, стало замкнутымъ сословіемъ, съ своими законами, съ особымъ правителемъ, съ особымъ самоуправленіемъ, съ своими политическими идеалами и пр. Аристократія, исполненная той мысли, что самъ Богъ возложилъ на нее совокупно съ императоромъ и королями долгъ — править народами. Рыцарство — цѣлое сословіе проникнутое особымъ духомъ, объединенное на всемъ западѣ единствомъ нравовъ, обычаевъ, уставовъ. Наконецъ граждане занятые торговлей и промысломъ, съ своими уставами, съ своей политическою организаціей, строго соображенною съ потребностями ихъ быта. Крестьяне едва-ли могли почитаться какимъ либо сословіемъ въ обществѣ — а составляли лишь массу рабочаго люда. Это соціальное устройство, сложившееся въ теченіе среднихъ вѣковъ, такъ глубоко укоренилось въ понятіяхъ западнаго общества,

что считалось какъ бы Божіимъ установленіемъ для всего человѣческаго рода. Но и въ послѣдующей исторіи нѣмъ мѣста объединенію сословій на западѣ; напротивъ, всюду видимъ преобладаніе одного сословія надъ всѣми остальными. Такъ граждане третьяго сословія начинаютъ преобладать почти исключительно во Франціи со времени первой революціи, и это преобладаніе все болѣе и болѣе распространяется въ Западной Европѣ. Гербертъ Спенсеръ вѣрно замѣчаетъ, что индустріальный (промышленный) типъ преобладаетъ нынѣ въ соціальной жизни, — но трудно пророчить объ этомъ на будущее время и согласиться вполнѣ съ историками, которые пророчатъ перемѣну въ классахъ общества по мѣрѣ его возрастанія въ будущемъ. Формулы эти можетъ быть примѣнимы къ западу, но онѣ слишкомъ тѣсны въ примѣненіи ко всему человѣчеству, и даже къ Восточной Европѣ. И теперь, на примѣръ, въ Парижѣ, между жителемъ бульвара Saint Germain, представителемъ аристократіи, и жителемъ Монмартрскаго квартала, представителемъ такъ называемаго четвертаго сословія, — такая разительная разница въ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ, соціальныхъ понятіяхъ, что они какъ будто не одной, а разной породы.

Я убѣжденъ что Восточное общество можно понять только отрѣшившись вовсе отъ западной соціальной

организаціи. Восточное общество не рознилось на разряды (differentiated); въ немъ не только не было тѣхъ условій этого раздѣленія, которыя намъ извѣстны на западѣ, но многія обстоятельства рѣшительно препятствовали раздѣленію ни классы или сословія. Въ Византіи мы не видимъ большаго разнообразія литературы внѣ церковнаго круга. Жизнь сосредоточивалась въ церкви. Религіей удовлетворялась у Грековъ любовь къ философскимъ разсужденіямъ; народныя собранія въ великолѣпныхъ храмахъ на долгія церковныя службы посреди коихъ велись нерѣдко и мірскія рѣчи, замѣняли сборища для политическихъ цѣлей и для спектаклей древней Греціи: они оживляли соціальную жизнь къ которой такъ привычны были Греки; а торжественныя церковныя процессіи служили удовлетвореніемъ эстетическому чувству. Само духовенство чрезъ женъ и дѣтей состояло въ тѣсной связи съ мірскимъ обществомъ и не составляло отдѣльнаго политическаго сословія. Наконецъ, — какъ выше сказано, православная вѣра было могучею связью соединявшею племена разной крови, Славянъ, Армянъ, Арабовъ, Коптовъ и пр. Византійская церковь, слѣдуя слову Христа, что Евангеліе дано всѣмъ людямъ, обращалась ко всякому племени на родномъ его языкѣ; такъ что знаніе греческаго языка не было необходимо для разумѣнія православной вѣры. А церковь, чувствуя что

съ паденіемъ государства могло потерпѣть и православіе, всѣми способами стремилась подкрѣплять государство и тѣмъ объединять многоязычное Византійское общество. Дѣло было бы неслыханное возбуждать князей и воеводъ противъ императора, проповѣдывать, что они призваны защищать законный порядокъ противъ его самовластія: это показалось бы Византійскому духовенству злой ересью. Они убѣждены были, что законный порядокъ содержится премудростію самаго Бога, а Богу не нужна рука человѣческая чтобы поразить самаго сильнаго владыку за отступленіе отъ святыхъ заповѣдей. Очевидно, греческая церковь разумѣла христіанство глубже и вѣрнѣе духу христіанскому, нежели западная сестра ея. На *западѣ* различные классы общества проникнуты были совсѣмъ иными идеалами истекавшими изъ совсѣмъ иныхъ цивилизацій (католическое духовенство — христіанство напитанное Римскими политическими и нравственными идеями; аристократіа — феодальная система, — воспоминаніе побѣдъ и завоеваній; рыцарство — христіанство напитанное мечтами съ востока навѣянными; граждане — остатокъ частью Римскихъ муниципій съ Римскими юридическими понятіями, частью — стараго Тевтонскаго соціальнаго устройства); на Востокѣ величайшее разнообразіе разныхъ народностей, разнообразіе въ *количествѣ* культуры, но не въ *качествѣ*. Въ Визан-

тійской имперіи общее было качество знанія религіознаго, нравственнаго, политическаго, соціальнаго; но иные обладали имъ вполнѣ, другіе отчасти, а иные совсѣмъ его не имѣли.

Духу сословности не было мѣста въ Византіи и потому, что съ нимъ не согласовалась подавляющая власть императорская: императоръ, какъ представитель государства и какъ стражъ-оберегатель церкви, такъ высоко стояло въ сознаніи разноплеменнаго народа, что негдѣ было возникнуть политическимъ правамъ отъ него независимымъ и ограничивающимъ власть его. Однако, какъ сказано выше, воля его не сливались съ деспотизмомъ: вся его власть, напротивъ того, исходила отъ государства, и мы видимъ, что она не однократно бывала подавляема духовенствомъ и бюрократіей, когда они признавали себя блюстителями политическихъ и военныхъ преданій государства*). Эта идея общества, въ цѣлости своей, безъ ясныхъ очертаній, объединенная государственною вѣрой, перенесена была вмѣстѣ съ греческою церковью въ Россію.

---

*) Эти черты Византійскаго государства и общества заимствованы изъ Папаритопуло, знаменитаго профессора Аѳинскаго Университета, посвятившаго всю свою жизнь исторіи Греціи и Византіи. Онъ самъ составилъ сокращеніе своего громаднаго труда, писаннаго на новогреческомъ языкѣ и изданнаго въ Парижѣ подъ заглавіемъ: Histoire de la civilisation hellénique. Paris, 1876.

И замѣчательно, что притомъ не все наслѣдіе древней Греціи и не вся Византійская литература перенесено въ Россію, но только то, что было въ переводѣ съ Греческаго языка на Славянскій, преимущественно на Болгарскій. Всего этого было немного, и тѣмъ способнѣе было это немногое распространиться въ народѣ. Но эта скудость средствъ образованія имѣла свою выгодную сторону, на которую недостаточно вниманія обращаютъ русскіе историки: это способствовало охраненію *единства* въ духѣ народномъ, и мы видимъ, что въ время опасности весь народъ вставалъ какъ одинъ человѣкъ на защиту государства и церкви, потому что все общество проникнуто было одними и тѣми же религіозными, моральными, соціальными и эстетическими понятіями и чувствами.

И такъ мы согласны съ Проф. Гумповичемъ, что между Россіей и Западною Европой существуетъ различіе, но это же различіе не служитъ къ упреку Россіи. Допустимъ даже, что зависимость отдѣльнаго лица отъ правительства, несравненно болѣе ощутительная въ Россіи, есть свойство сомнительнаго значенія, — но у насъ не было принципіальнаго разрыва между классами общества, не было сословія принципіально господствующаго — это все свойства благодѣтельныя, которыя западъ завоевывалъ себѣ страшными потрясеніями и кровопролитіями. То что совершилось уже въ Россіи

мирнымъ историческимъ ходомъ событій, еще не вполнѣ достигнуто западомъ. Съ этой стороны желательно было бы, чтобы западные ученые обратили вниманіе на Славянскій міръ; и нельзя не дивиться что западная наука до нынѣ столь мало изучила его. Необходимо понять самую жизнь Славянскую — для вѣрной оцѣнки тѣхъ силъ, которыя произвели и западную цивилизацію. Все значеніе того вліянія которое принадлежитъ въ ней католической церкви, феодализму, рыцарству и пр. можетъ быть оцѣнено только въ сравненіи съ обществомъ той же Арійской крови, съ обществомъ которое имѣло почти такія же политическія учрежденія при появленіи своемъ на сценѣ исторія, но пошло по другимъ путямъ въ своемъ развитіи. Но это не все еще. Этотъ Славянскій міръ, имѣвшій почти такую же соціальную организацію до XIII столѣтія, раздѣляется съ этого времени на двѣ половины, развитіе коихъ совершается надъ различными вліяніями (западныя идеи и Византійскія понятія) и приводитъ къ различнымъ результатамъ (Польша, Богемія, Кроація съ одной стороны, Россія съ другой). Въ Болгаріи и въ Сербіи мы видимъ скрещеніе западныхъ и восточныхъ вліяній, результатъ давно минувшихъ завоеваній (и та и другая страна завоеваны были Славянами), и особенностей географической формаціи (горы служатъ преградой между племенами и препятствуютъ національ-

ному объединенію), какъ будто сама природа содѣйствуетъ многообразнымъ историческимъ экспериментамъ.

Описывая отношеніе Германцевъ къ Славянскимъ народамъ, Проф. Гумпловичъ опирается на свое положеніе, что Россія служитъ угрозою Западной Европѣ. Россія, говоритъ онъ, создала новую форму для усиленія своего вліянія, форму Панславизма, то есть воображаемое право на преобладаніе надо всѣмъ Славянскимъ міромъ, на основаніи единства крови; а какъ за пропагандою Панславизма таится Панруссизмъ, деспотизмъ и православіе, — то Австрія и Германія должны принимать всевозможныя мѣры чтобы возбудить и возвысить сознаніе національной самобытности въ отдѣльныхъ Славянскихъ народностяхъ и воздерживаться отъ ихъ преслѣдованія. Славянофильство — явленіе весьма симпатичное, политически безвредное, и состоитъ въ возбужденіи взаимнаго сочувствія между Славянами. Но панславизмъ весьма отличается отъ славянофильства, ибо стремится къ поглощенію всѣхъ Славянъ Россіей и къ ихъ руссификаціи. Противъ Панславизма достойно принимать самыя энергическія мѣры, но не слѣдуетъ забывать, что онъ можетъ распространяться только у тѣхъ Славянскихъ народовъ которые не дошли еще до полнаго развитія. Когда опредѣлилась уже національность, она будетъ упорно противиться Панславизму,

что уже видно изъ отношеній между Россіей и Польшей, а въ послѣднее время и Болгаріей. Соціальныя группы не умираютъ добровольно; отдѣльныя лица могутъ доходить, но народы не доходятъ до самоубійства. Поддержка Славянъ, возрожденіе Славянскихъ народностей въ Германіи и Австріи — вотъ самыя рѣшительныя мѣры противъ Панславизма. Нѣтъ основанія опасаться какого либо стѣсненія предѣловъ Германской національности; Европейскія національности образовались въ теченіе тысячи слишкомъ лѣтъ; предѣлы ихъ опредѣлились, и ни одна уже не можетъ широко расширяться на счетъ другой. И наконецъ, еслибъ какой нибудь Германскій городокъ охваченный Славянскими селеніями, сталъ какъ нибудь ославяниваться, большой бѣды отъ этого не будетъ. Съ другой стороны, крупные города Германскіе продолжаютъ въ свою очередь германизировать Славянскіе элементы недавняго пріобрѣтенія.

Возстановленіямъ Западной Римской имперіи оживились стремленія древняго Рима къ всемірному владычеству: ихъ подкрѣпляло завѣтное слово Евангельской проповѣди о соединеніи подъ однимъ главою всего человѣчества *(едино стадо и единъ пастырь)*. Это ученіе овладѣло умами въ Германіи въ первую пору подъема духовныхъ силъ Германскаго племени. И такъ неудивительно, что въ теченіе долгого періода импера-

торы, одинъ за другимъ, преемственно напрягаютъ всѣ усилія на завоеваніе языческихъ племенъ Славянскихъ. Три ста лѣтъ велись для этой цѣли почти непрерывныя войны, — до покоренія Славянскихъ народовъ на побережьи Балтійскаго моря. Между тѣмъ Польша и Богемія, гдѣ борьба Славянъ съ Германцами должна была уже возбудить опасенія, превратились въ Герцогства, обратились въ христіанскую вѣру и добровольно признали верховенство императора, ставшаго во главѣ всего христіанскаго міра. Эта первая встрѣча съ Германскимъ міромъ должна была возбудить въ Германцахъ сознаніе своего превосходства, а въ Славянахъ враждебное чувство.

Второй періодъ этихъ отношеній наступаетъ въ концѣ XII столѣтія. Западная Европа, усвоивъ себѣ великое Римское наслѣдіе, обогатилась, переполнилась населеніемъ и принуждена была искать новыхъ земель для выхода своему населенію и своей промышленности. Между тѣмъ борьбы папъ съ императорами, ослабленіе императорской власти, утвердившееся „Право сильнаго“ (Faustrecht), — безпрерывная брань рыцарей съ городами, — привели къ тому что никто не могъ быть увѣренъ ни въ жизни ни въ собственности. Все это побуждало народы западнаго міра искать новыхъ земель и стремленіе обратилось на Славянскія земли гдѣ мѣста было много для скуднаго населенія. Въ самомъ Славян-

скомъ мірѣ было не мало побужденій не противиться наплыву поселенцевъ: князьямъ было желательно имѣть у себя западныхъ торговцевъ и ремесленниковъ; духовенство въ началѣ было большею частью Германской или Римской крови: и ему пріятны были единокровные люди, желательно населеніе пустыхъ мѣстъ новыми прихожанами; крупные владѣльцы надѣялись умножить свое богатство съ помощію иностранцевъ. Притомъ нашествіе Монголовъ страшно опустошило Славянскія земли — и князьямъ и духовенству и владѣльцамъ выгодно было пополнить Германскими пришельцами великую убыль населенія. Въ слѣдствіе всего этого не только города но и множество деревень населились въ XIV столѣтіи Германцами въ Славянскихъ земляхъ католической вѣры. О настроеніи этого чужеземнаго населенія можемъ судить по многимъ признакамъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ въ началѣ XIV столѣтія возстаніе Краковской и другихъ Германскихъ колоній съ цѣлію объявить Польшу провинціей Германской имперіи. Хотя это возстаніе было подавлено, но послѣдствія его для Польши были пагубныя. Сельское населеніе Польши относилось враждебно къ городскому населенію и не признавало въ немъ своихъ согражданъ, — а горожане въ свою очередь не считали Польшу своимъ отечествомъ. Подобное же состояніе было въ Богеміи. Вотъ почему здѣсь города

не въ состояніи были, — какъ на западѣ, служить противовѣсомъ дворянству, составить необходимое послѣдствующее звено между дворянами и крестьянами и вырости твердою опорой королямъ и крестьянамъ. — Слѣдуетъ однакоже признать, что эта Нѣмецная германизація принесла странѣ въ началѣ большую пользу: быстрое процвѣтаніе Славянскихъ земель католическаго закона стало возможно только съ помощію этого прилива Германскаго труда и Германскаго капитала. Такъ возникъ знаменитый „Drang nach Osten“, до нынѣ въ большей или меньшей степени продолжающійся: уже въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія извѣстный Германскій экономистъ Рошеръ взывалъ о необходимости населить Германцами Балканскій полуостровъ съ тѣмъ, чтобы основать здѣсь новую Германію.

Но несравненно опаснѣе было духовное подчиненіе западу Славянскихъ земель католическаго закона. Эти области, не находя у себя духовнаго противовѣса западу, приняли вполнѣ западныя политическія ученія. Выше сказано было, что эти ученія проистекали изъ самыхъ условій быта въ западномъ мірѣ. Повторимъ вкратцѣ для ясности — въ чемъ сущность этихъ ученій.

1. Государственная власть есть не что иное какъ властная рука гражданская потребная для *воспитанія народовъ* въ христіанской нравственности; въ слѣдствіе

того она необходимо противополагается желаніямъ и чувствамъ низшихъ сословій, — и гдѣ это противоположеніе кончается, тамъ уже нѣтъ мѣста государственной власти. Сущность этой идеи, на мой взглядъ, нисколько не измѣнилось въ теченіе столѣтій. Воспитаніе народовъ христіанскою нравственностью стало въ теченіе времени воспитаніемъ народа метафизическими понятіями (свобода, равенство и братство) на основаніи разума, — а въ послѣднее время — на учными истинами (ученіе Конта и проч.). Въ этомъ смыслѣ анархисты суть законныя дѣти западной доктрины о государственной власти; она держатся того ученія, что воспитаніе народа закончено; народы не нуждаются въ опекунахъ, и потому государство должно быть уничтожено. И такъ западная политическая система оказывается безсильною противъ логическихъ выводовъ анархизма.

2. Это воспитаніе народа принадлежитъ, кромѣ духовенства, только высшему руководящему сословію, въ коемъ сосредоточены всѣ нравственныя, умственныя и научныя пріобрѣтенія человѣчества.

3. Изъ этихъ двухъ положеній выходитъ — нежелательное но совершенно необходимое послѣдствіе, — раздробленіе западнаго общества на различные слои, другъ другу противоположные во взаимномъ настроеніи. По елиху воспитаніе зависитъ отъ эконо-

мическаго довольства и отъ умственной способности развивающейся наслѣдственно, — то не могло быть доселѣ достигнуто и равенство знанія между разными слоями общественными.

На этихъ началахъ развивалась общественная жизнь у Славянъ католическаго закона, — что не могло остаться безъ особыхъ послѣдствій. Начиная съ XII столѣтія стала падать власть Славянскихъ государей, и уже въ XV столѣтіи Польскіе короли и Богемскіе почти утратили государственное значеніе. Извѣстно въ какое плачевное состояніе пришла Польша въ концѣ XV столѣтія въ слѣдствіе паденія королевской власти *), а въ Богеміи совсѣмъ даже не было монархіи въ теченіе 16 годовъ (1420—1436) XV столѣтія. Но много еще плачевнѣе было взаимное отношеніе сословій: духовенство, порвавшее всѣ связи съ народомъ, богатое, развратное, искало только своей чести прибытка отъ враждовавшихъ между собою папъ; дворяне — владѣльцы проникнутые западнымъ духомъ аристократіи, совсѣмъ онѣмечились; военные люди, болѣе и болѣе склоняясь къ западному рыцарству, рѣзкою чертою отдѣлялись отъ горожанъ; горожане Герман-

*) Это очень обстоятельно изложено въ явившемся недавно ученомъ сочиненіи Павинскаго: Adolph Pawinski, Sejmiki-ziemskie, 1374—1505. Warszaw, 1895.

ской крови всѣмъ духомъ своего быта нѣмцы — стали совсѣмъ чуждыми странѣ своей; наконецъ крестьяне — народъ предназначенный на рабство средневѣковымъ соціальнымъ устройствомъ: словомъ сказать — каждый классъ общества преданъ своему лишь интересу, относясь враждебно ко всѣмъ прочимъ классамъ, а государство представляется всѣмъ какою то ненавистивою и ненужною препоною интересамъ каждаго сословія. Это состояніе общества должно было вызвать реакцію. И дѣйствительно, такая реакція выразилась въ Богеміи великимъ религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ движеніемъ, которое разрушило вполнѣ старую политическую организацію и потрясло самыя основанія средневѣковаго западнаго общества. Польша избѣжала этой катастрофы потому только, что преобладавшая въ странѣ католическая церковь твердо поддерживала въ ней увѣренность въ томъ, что она предназначена вносить западную цивилизацію въ православныя Славянскія и ославянившіяся (Литва) земли. И такъ вниманіе Польши отвлечено было отъ внутренняго ея устройства, и она продолжала вносить на Востокъ католическую вѣру, презрѣніе къ верховной королевской власти и понятіе о преобладаніи въ обществѣ руководящихъ сословій: каковы же были результаты? Это обнаружила исторія съ поразительною ясностью въ 1772 до 1795 годахъ и запечатлѣла жестокіе свои уроки не-

выразимыми страданіями, потоками крови, всевозможными униженіями и обманами и съ Востока и съ Запада Европы. Должно однакоже признать что блестящая политическая Польская литература возникла въ пору разложенія государства и подъ его воздѣйствіемъ въ XV столѣтіи.

Такъ, въ XV столѣтіи, — можно сказать съ увѣренностью, — католическій Славянскій міръ падалъ, какъ бы предназначенный къ гибели; Германская волна мало-по-малу заливала Славянскія земли тамъ, гдѣ западное вліяніе успѣло внесть разложеніе въ обществѣ и подточить королевскую власть — основаніе порядка въ XV столѣтіи. Въ это время произошли событія великой міровой важности измѣнившія ходъ исторіи. Въ 1453 году Азіатская орда, дикая, энергическая, подъ руководствомъ геніальнаго предводителя, — завоевала Константинополь; знаменитые султаны, одинъ за другимъ, стали тѣснить Западную Европу. Азіатское варварство остановило въ южныхъ Славянскихъ земляхъ на цѣлыя столѣтія развитіе цивилизаціи, но она же покрыла эти земли какъ бы толстымъ слоемъ снѣга, подъ которымъ сохранялось въ нихъ духовная сила для расцвѣта въ новой бодрой юности.

Съ другой стороны мирный геній Европы въ сферѣ морскихъ плаваній открывалъ Америку и по этому пути могучею рукою указалъ западнымъ избыткамъ

населенія, труду и капиталу совсѣмъ иное направленіе. Тутъ западные переселенцы, одушевляемые оживляющимъ воздѣйствіемъ гуманизма и реформы, положили основаніе новому государству, царству величайшаго матеріальнаго благосостоянія и свободы, — дотолѣ невѣдомыхъ въ старомъ свѣтѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ потокъ западной колонизаціи Востока, — если не совсѣмъ остановился, — то уже ослабѣлъ до крайности. Не смотря на все это, не совсѣмъ еще прекратилось поглощеніе Славянскихъ земель западомъ; но силы уже значительно ослабѣли. Прежде всякая колонизація съ запада обращалась на Востокъ; теперь туда обращались исключительно Германскіе переселенцы, для коихъ пригодны были ближнія Славянскія земли, гдѣ Германцы могли не теряться для родной страны своей, какъ терялись въ Америкѣ. Расчлененіе Польши, и даже оккупація Босніи и Герцеговины — не что иное, какъ послѣдовательные шаги того же, выше помянутаго движенія, которое началась со времени Карла Великаго.

Если ослабѣло движеніе переселенцевъ въ Славянскія земли, то не остановилось духовное вліяніе запада, и паденіе Богемскаго королевства въ началѣ XVII столѣтія совершилось въ слѣдствіе ослабленія государственной власти и распаденія общества, посреди коего

свирѣпствовала внутренняя политическая, соціальная, религіозная борьба порожденная вліяніемъ запада (Jos. Kalousek, Ceské statui pravo, Praha, 1892). Но вліяніе запада всего рѣшительное отразилось въ Польшѣ: здѣсь въ концѣ XVII столѣтія государственная организація обратилась въ какую-то политическую карикатуру. Состояніе, успѣвшее измѣниться на западѣ въ слѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, въ Польшѣ осталось неизмѣннымъ и еще разрослось въ политическое уродство. Королевская власть значительно окрѣпла въ Западной Европѣ подъ вліяніемъ гуманизма, Римскихъ преданій, реформаціи и католической реакціи, а въ Польшѣ отрицательное отношеніе къ королевской власти, питаемое католическою церковью, держалось устойчиво и классическая идея народной государственности превратились въ злобную оппозицію всякой политической власти. На западѣ властное положеніе правящихъ классовъ оставалось неприкосновенно, но не исчезало сознаніе, что и другіе классы общества должны имѣть какую нибудь свободу. Въ Польшѣ, напротивъ того, дворянство, памятуя ученіе классической мудрости (особливо Аристотеля) о необходимости рабства, въ себѣ одномъ стало видѣть націю, а на всѣ прочія сословія смотрѣло едвали не какъ на рабочее быдло. Такъ возникла пресловутая „Золотая свобода“, никакъ не совмѣстимая съ госу-

дарствомъ*). Это духовное вліяніе запада, — даже и въ настоящую минуту, производитъ смуту въ южныхъ Славянскихъ государствахъ. Правленіе „либеральной партіи“ (напредники) въ Сербіи и Стамбуловской партіи въ Болгаріи вытекаетъ изъ западнаго понятія, что руководящіе классы предназначены властвовать и править нисшимъ сословіемъ; на томъ же ученіи въ существѣ расходятся двѣ противоположныя партіи въ Русскомъ и въ Польскомъ обществѣ.

И такъ отношеніе Нѣмцевъ къ Славянамъ опредѣляется вотъ уже тысячу лѣтъ ходомъ экономическаго и умственнаго развитія въ той и другой области. Вотъ какія двѣ существенныя черты различія.

1. Со стороны Германской сознаніе *превосходства*. Оно коренится въ *успѣхѣ* (почти вся Пруссія была въ древности Славянскаго землей) и въ большей полнотѣ развитія. Это сознаніе ведетъ къ такому представленію, что Славянское племя — племя нисшаго умственнаго качества, — что и служитъ косвенно къ оправданію всякой несправедливости относительно Славянъ. Безмолвно само собою разумѣется, что племя это препона всякому прогрессу и предназначено на истощеніе и погибель.

*) Mich. Bobrzynski, Dzieje Polski wzarysie.

2. Избытокъ населенія, промысла и капитала ищетъ себѣ выхода и находитъ его всего удобнѣе въ сосѣднихъ Славянскихъ земляхъ. Это ведетъ необходимо къ сосредоточенію крупнаго землевладѣнія и большихъ торговыхъ, промысленныхъ и заводскихъ предпріятій въ рукахъ Германцевъ, — тогда какъ коренному Славянскому населенію предоставленъ только трудъ земледѣльческій. И этому еще способствуетъ современный законъ международныхъ отношеній, основанный на формальномъ началѣ равенства: всѣ умственно предполагаются равными, безъ соображенія реальныхъ отличій экономическаго и умственнаго развитія. Въ слѣдствіе того отсутствіе (или недостатокъ) своей промысленной мануфактурной силы такъ ощутительно во всѣхъ (кромѣ Богеміи) Славянскихъ земляхъ не имѣющихъ возможности оградить себя запретительнымъ тарифомъ. Таково воздѣйствіе Западной Европы на Славянскій міръ — оно проистекаетъ изъ природныхъ условій и длится, можно сказать, уже тысячу лѣтъ; но разрозненный Славянскій міръ слабъ и не въ силахъ противодѣйствовать ему безъ опоры, которой ищетъ въ Россіи: и вотъ одно изъ главныхъ причинъ того чувства, которое порождаетъ во многіяхъ Славянскихъ душахъ наклонность къ Панславизму.

Особливымъ положеніемъ Россіи посреди Славянскаго міра объясняется, откуда могла возникнуть теорія

такъ называемаго Панславизма. Это просто стремленіе, часто безсознательное, въ массѣ Славянскихъ населеній внѣ Россіи — искать въ Россіи опоры противъ нашествія на нихъ западнаго капитала, труда и промысла. Въ православномъ населеніи къ этому присоединяются — единство вѣры, древнія преданія о переходѣ на Россію властнаго значенія Римскихъ и Византійскихъ императоровъ, — и наконецъ свѣжая память о подвижничествѣ Россіи на защиту Славянъ отъ Турецкаго ига. Съ другой стороны естественно расположеніе Россіи охранять и поддерживать внѣ ея предѣловъ Славянскіе элементы, — такъ какъ безъ этой поддержки они были бы совсѣмъ подавлены враждебною силой и стали бы Германскими, Румынскими, Мадьярскими и даже Итальянскими. Но Россія никогда и не думала о покореніи или обрусеніи этихъ Славянскихъ земель. Славянофильская партія, главнымъ образомъ поддерживающая духовное общеніе со Славянами, имѣетъ въ виду самостоятельную, національную цивилизацію каждой страны, а достиженіе этой цѣли возможно только при томъ условіи, если въ Славянскомъ мірѣ сохранятся особенности народнаго языка равно какъ политическаго и соціальнаго устройства. Славянофильство держится той идеи, что единство безъ разнообразія есть единообразіе смерти, и что сама жизнь выражается не иначе какъ въ различныхъ видахъ и образахъ. Славянофилы

утверждаютъ, правда, что знаніе Русскаго языка необходимо въ Славянскомъ мірѣ и желательно его распространеніе, но никакъ не въ ущербъ національной рѣчи: Русскій языкъ долженъ служить только орудіемъ взаимнаго общенія между Славянами, и въ этомъ смыслѣ употребленіе его должно бы соотвѣтствовать употребленію Латинскаго языка въ Европѣ среднихъ вѣковъ или употребленію Французскаго языка въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Наконецъ, по мнѣнію славянофиловъ желательно было бы, чтобы весь Славянскій міръ былъ православнымъ, но въ этомъ нѣтъ прямой нужды для объединенія: это можетъ быть только средствамъ для укрѣпленія духовной связи и явнымъ признакомъ разрыва съ религіозными, нравственными, даже политическими идеалами запада.

Такова сущность стремленія Славянъ къ объединенію; но такія же точно стремленія мы видимъ у Италіянцевъ, у Германцевъ, у Американцевъ (Монроэ), даже вообще въ Латинскомъ (Панлатинизмъ) и въ Тевтонскомъ племени (Пантевтонизмъ). Всѣ эти стремленія представляется мнѣ только шагомъ къ осуществленію великаго мечтанія философовъ — начиная съ Діогена, религіозныхъ геніевъ, политическихъ утопистовъ, ученыхъ мыслителей, о объединеніи всего человѣчества въ одно великое цѣлое, основанномъ на взаимномъ уваженіи, взаимной любви и вѣчной правдѣ. И такое

объединеніе можетъ быть достигнуто не войнами, не эксплуатаціей, не возвышеніемъ одной націи надъ другою, не господствомъ одного народа надъ другимъ, но чувствомъ взаимной любви и сознаніемъ братства между людьми, — какъ думали и какъ учили величайшіе религіозные геніи порабощеннаго, некультурнаго и презираемаго Востока!

Веймаръ, въ типографіи Г. Ушмана.